

Л. И. Акимова (Москва)

РАЗГОВОРЫ В АФИНСКОМ НЕКРОПОЛЕ

Из всех голосов, дошедших до нас от древней Греции, возможно, самые впечатляющие и не забытые по сей день — это голоса аттических стел V–IV вв. до н. э. и связанные с ними разговоры в афинском некрополе (о стелах писали не только ученые, но и Гёте, и наши современники, люди культуры, такие как А. И. Солженицын, М. В. Юдина, О. А. Седакова). Известно около 4 тыс. рельефных стел (430–317 до н. э.) и около 10 тыс. эпитафий, — большой и сложный компендиум, в котором письменные эпитафии, по наблюдениям исследователей метрических надписей, почти никак не связаны с изображениями¹. Так, Христос Цагалис, автор монографии об аттических эпитафиях IV в. до н. э. (в его корпусе — 162 надписи), нашел только один случай совпадения изображения и слова: стела с о. Аморгос до срока умершего юноши, возраст которого удостоверен рельефом². Это явление загадочно и пока не объяснено, но мы обратимся к общей концепции проблемы «разговоров».

Греческие кладбища располагались за городскими воротами — знаменитый Керамик в западной части города находился за Дипилонскими и Священными воротами и прорезался рекой Эриданом, а также двумя дорогами — одна вела в Академию³, главнейший из трех афинских гимнасиев, а другая, Священная, — в Элевсин; от Священной дороги в эпоху классики ответвилась так называемая Улица Гробниц (*ὄδος τῶν τάφων*), шириной около 8 м, с богатыми погребениями и мраморными стелами (илл. 1). Ежедневно по этим дорогам перемещалось много народа, как путешественников и деловых людей, так и участников празднеств — раз

¹ Clairmont 1970. P. XVIII. P. 55; Tsagalis 2008. P. 55.

² Tsagalis 2008. P. 79.

³ Эта дорога была около 1500 м длиной и местами шириной свыше 30 м. См. Hurwit 2007. P. 35, Note 4.

Илл. 1. Афинский некрополь
Керамик. Улица Гробниц.

в четыре года из Афин в Элевсин отправлялось огромное количество новопосвящаемых в Великие мистерии. В связи с этим могилы воинов и выдающихся деятелей, погребавшихся вдоль дороги в Академию (Paus. I. 29), и богатые захоронения частных лиц на Улице Гробниц, часто производившиеся на огражденных семейных участках (*periboloi*)⁴, постоянно были объектом

внимания самих афинян и их многочисленных гостей.

Прохожий, с точки зрения умерших, — главный получатель информации и хранитель памяти⁵. Самые ранние надгробия (кон. VII — VI в. до н. э.) обращаются именно к нему, хотя, казалось бы, литературные примеры, такие как встреча Гильгамеша с Энкиду в шумеро-аккадском эпосе «О всё видавшем» (III тыс. до н. э. — «Скажи мне, друг мой...»)⁶ или встреча Одиссея с душами мертвых в IX песни «Одиссеи»⁷, говорят о живых как инициаторах диалога. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что греческие примеры архаичнее. Они восходят к египетским стелам с обращением к прохожим, долженствующим дать им вещную жертву или произнести магическую формулу «хотп ди нисут» («благо, которое дает царь»): «О вы, кто живет и существует, кто любит жизнь и ненавидит смерть, проходя мимо этой моей могилы, дайте то, что в ваших руках, а если в ваших руках нет ничего, то изреките это устами своими: ‘Тысяча хлебов, тысяча пива, тысяча вещей всяких чистых для благочестивого Эниатефа, сына Эниатефа, сына Хуу’» (Первый Переходный период, последние столетия III тыс. до н. э.)⁸. Такая жертва необходима умершему-жрецу для восстановления жизненного цикла⁹.

⁴ Колобова 1961. С. 312 сл.; Humphreys 1980. P. 105f.; Stears 2000. P. 210f.

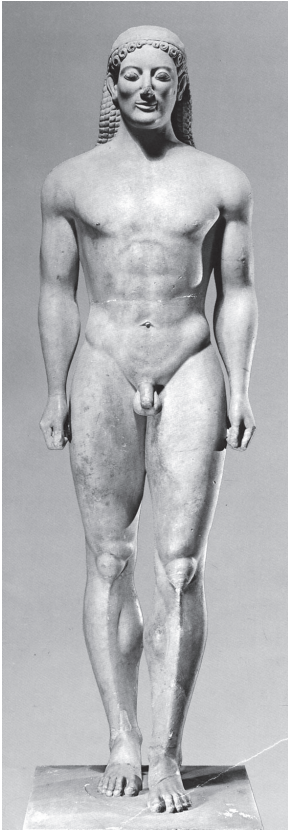
⁵ О роли прохожего в греческих надписях: Tueller 2008. S. 45; Tueller 2010. S. 51–54; Kauppinen 2015. P. 28–30, etc.

⁶ Эпос о Гильгамеше. Табл. XII. Перевод Н. Гумилева.

⁷ Od. XI.

⁸ См. Maspero 1893; Garnot 1937; Garnot 1938.

⁹ Вопрос о ритуальных взаимоотношениях мертвых и живых рассмотрен нами в работе: «Умерший и Прохожий в надгробиях классической Аттики: эволюция

Илл. 2. Статуя Креза.
Ок. 530 до н. э.
Афины, Национальный
археологический музей.

Греческие курсы архаического времени (кон. VII — нач. V в. до н. э.) просят уже не еды и питья, а *плача*, как, например, юноша по имени Крез из Анависсоса в Аттике, ок. 530 до н. э.; хранится в Афинах (НАМ 3851) (илл. 2)¹⁰. На его базе начертано:

ΣΤΕΘΙ : ΚΑΙ ΟΙΚΤΙΡΟΝ ΚΡΟΙΣΟ
ΠΑΡΑ ΣΕΜΑ ΘΑΝΟΝΤΟΣ ΗΟΝ
ΠΟΤ' ΕΝΙ ΠΡΟΜΑΧΟΙΣ : ΟΛΕΣΕ
ΘΟΡΟΣ : ΑΡΕΣ

(«Остановись и оплачь Креза у могилы, умершего, которого однажды, сражавшегося в первых рядах, погубил жестокий Арес».)

Такие надписи зачитывались вслух¹¹, что составляло важную часть бытования памятника.

Плач — тоже жертва, равноценная самим похоронам¹². Этот ритуальный аспект претерпел радикальную реформу в VII в. до н. э., когда в некрополях перестали полагать в могилы погребальные дары, а выкладывали их в отдельные жертвенные каналы¹³. В эпоху классики, с окончанием строительства Парфенона, когда после полувекового молчания возобновился жанр надгробной скульптуры (ок. 430 до н. э.), наметился дальнейший отход мемориала от могилы: надгробия стали

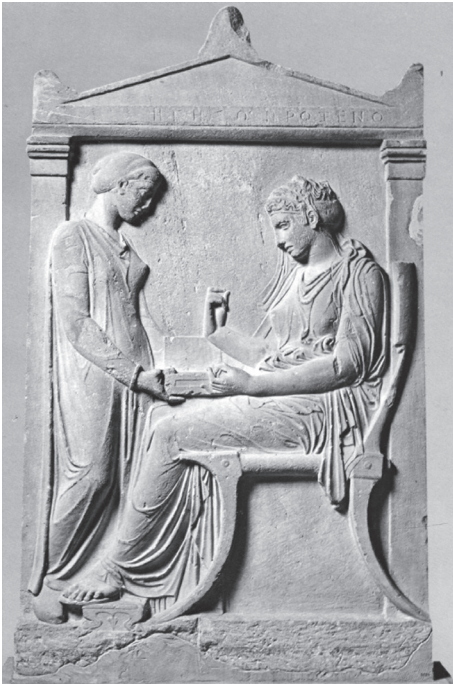
мемориальной идеи» в сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения Н. А. Дмитриевой (в печати, Институт искусствознания, Москва).

¹⁰ Boardman 1996. Pl. 107; К сожалению, на Керамике статуи курсов найдены в единичных экземплярах и фрагментах.

¹¹ Agosti 2008. P. 198; Kauppinen 2015. P. 40, 54.

¹² Alexiou 1977. P. 6–7.

¹³ Garland 1985. P. 36; Georgoulaki 1996. P. 103. Note 33. Fig. 1.

Илл. 3. Стела Гегесо. Ок. 400 до н. э.
Афины, Национальный археологический музей.

смещаться с места погребения к дороге, с целью лучшего восприятия мимо проходящими людьми¹⁴: эстетический и коммуникативный аспекты отодвинули на второй план сакральный.

Прохожий продолжал мыслиться жертвой, но уже в весьма сублимированной форме. Если в архаике надгробия ставились в основном родителями безвременно умершим детям (сыновьям)¹⁵, то ритуальная тема *mors immatura* в классике почти исчезает. На знаменитой стеле Гегесо¹⁶ в Афинах (НАМ 3624), ок. 400 до н. э. (илл. 3), умершая ушла в созерцание ожерелья, принесенного ей девушкой из гинекея. Обе молчат, но молчание их красноречиво. Жизнь Гегесо закончилась, вынужденное из шкатулки ожерелье

(представляемое умозрительно) — метафора ее души, освобожденной от смертного тела. Кто она и как умерла? Это неважно — надпись говорит: «Гегесо, «(дочь) Проксена». В этом же периболе центр составляет высокая узкая стела с двумя розетками — знак собственности, на котором обозначены только мужские имена, называющие владельцев участка, и видно, что трое из них — «Корев, сын Клеидемида; Клеидемид, сын Короба; Корев, сын Клеидемида» — члены одной семьи

¹⁴ Stears 2000. P. 218.

¹⁵ Pemberton 1989. P. 48.

¹⁶ Boardman 1995. Pl. 151. Литература о памятнике огромна. Приведем две наиболее интересные статьи: Buschor 1911; Thimme 1964.

из дема Мелите. По всей видимости, Гегесо была женой первого Кореба, погребенного под владельческой стелой¹⁷. Напротив ее памятника в другом конце участка стоит стела с изображением лутрофора; надпись гласит, что погребен Клеидем, сын Клеидемида (возможно, внук Кореба и Гегесо), вряд ли ребенок, о чем пишет К. М. Колобова¹⁸, — скорее молодой человек, уже добившийся успехов в жизни: оставивший «гордость отцу» (и вечную скорбь — матери). Лутрофор — знак того, что он умер до брака¹⁹.

В эпоху классики распространяются женские надгробия, почти неизвестные в архаике, но любопытно, что надписи относятся в основном к мужчинам: если в V в. до н. э. одна женская эпитафия приходится на три мужских, то в IV в. в Афинах на каждые четыре эпитаграммы для мужчин приходится по три женских (обстоятельство, не имеющее аналогов в остальной Греции)²⁰. И всё же примечательно, что мужские памятники могут ограничиваться надписями, а на женских доминируют изображения. Гегесо связана как с семьей отца Проксена (имя на ее стеле), так и с семьей мужа Кореба (имя на владельческой стеле). Через три поколения участок приобрели владельцы из дема Эйтея; зримой же его владелицей осталась Гегесо. Вся эта информация, доносимая совокупно изображением и словом, создает картину жизни афинской семьи, от мужской части которой дошли в основном *имена* и сообщение об одной безвременной смерти (лутрофор и эпитафия), а от женской — *образ* (Гегесо). Внутренние разговоры погребенных на фамильном участке воспринимает прохожий, перерабатывая информацию и перемещаясь дальше.

Но в надписях умершие общаются и друг с другом. В уникальной эпитафии Телемаха, сына Спудократа из Флии²¹, умерший вдруг обращается к ранее погребенной матери: «Мама, моя могила справа от твоей, я и здесь не без твоего покровительства».

¹⁷ Очевидно, второго Клеидемида с владельческой стелы.

¹⁸ Колобова 1961. С. 319.

¹⁹ См. о символике сосуда для омовений новобрачных: Bergemann 1996. S. 149–190; Kaempf-Dimitriadou 2000. S. 72f.

²⁰ Tsagalis 2008. P. 184.

²¹ CEG 512; Tsagalis 2008. P. 175f.

Илл. 4. Из книги: A.Bruekner. Der Friedhof am Eridanos bei Hagia Triada zu Athen. Berlin, 1909.

На пересечении двух троп у начала Улицы Гробниц на высоком цоколе стоит почти квадратный участок Дексилея²² (илл. 4), с полукруглой задней стенкой и стелой конного победителя, повергающего врага²³. Устройство перибола необычно, а эпитафия²⁴, по общему признанию, уникальна. Это единственный случай упоминания в классических надписях дат рождения и смерти человека: «Дексилей, сын Лисания из Фोरрика, родился в архонтство Тейсандра (414 до н. э.), умер в архонтство Эвбулида (394 до н. э.), в Коринфе; один из 5 всадников».

Дексилею было 20 лет, он только что вышел из возраста эфебов (представлен в хламиде и петасе²⁵); погиб в начале лета в Коринфской войне — очевидно, в битве у реки Немей, впадающей в Коринфский залив. Это была внутригреческая война неслыханных масштабов — спартанцев и беотийцев с их союзниками (афиняне были в числе последних): свыше 20 000 человек с каждой стороны; спартанский лагерь потерял 1100 человек (сами спартанцы только восемь), а беотийский — 2800, среди павших был и Дексилей²⁶. Останки погибших, по греческому обряду,

²² Hurwit 2007. P. 38. Fig. 5.

²³ Стела (высота 1,86 м) была найдена в Дипилоне в 1863 г. in situ. Ныне хранится в Афинах, Музей Керамика. На Керамике представлена копия памятника, как и некоторых других известных.

²⁴ IG II² 6217.

²⁵ Петас и металлические детали надгробия утрачены.

²⁶ Diod. Sic. 14. 83; Xen. Hell. 4. 3. 1; Hurwit 2007. P. 35. Note 2.

были кремированы и доставлены в Афины в кипарисовых гробах (по одному на каждую филу, всего десять), после чего похоронены в Керамике на особом участке братских могил, так называемом Demosion Sema. Павших воинов государство хоронило за свой счет, с торжественными погребальными речами (*logos epitaphios*) и памятными стелами, увековечивавшими имена погибших. Примечательно, что Дексилей упомянут сразу на двух таких памятниках: на одном — для всех павших в Коринфе афинян и на втором — специально для всадников: кавалерия (*hippeis*) по отношению к пехоте (*hoplites*) была привилегированной частью войска. От второго надгробия сохранился монументальный анфемий изящной работы, с архитравом (шириной 2,24 м), на котором начертаны имена павших в Коринфе афинян²⁷.

Не менее удивительно изображение Дексилея: на частной стеле представлен сюжет государственных воинских надгробий²⁸: всадник в развевающемся плаще готов нанести смертельный удар поверженному ниц противнику. Это если не единственный, то крайне редкий случай в афинском некрополе. Рельеф с его ярким голубым фоном, крашеными деталями (красный, желтый, коричневый цвета), с металлическими атрибутами, был прекрасно виден с дороги, как и красные буквы надписи на белом фоне пентелийского мрамора. Парадоксальность ситуации обусловлена аттическим менталитетом: погибший за родину всегда предстает победителем, а не побежденным.

Стела Дексилея, таким образом, венчает кенотаф юноши. Под ней покоятся останки его отца, а под двумя другими стелами — могилы его сестры и брата, умерших десятки лет спустя²⁹; парапет при стеле был украшен фигурами двух сирен с лирами³⁰. Среди даров Дексилею в землю были положены пять краснофигурных ваз-ойнохой, одна из которых изображает бронзовых «Тираноубийц» Крития и Несиота (477/6

²⁷ Афины, НАМ. 754. Clairmont 1983. P. 212–214. No. 68b. Hurwit 2007. P. 37. Fig. 2–3.

²⁸ Ср. фрагмент стелы с изображением битвы воинов с памятника над братской могилой (полиандрионом), 394–393 до н. э. Афины, НАМ. No. 2744: Boardman 1995. P. 115. Fig. 12; Hurwit 2007. P. 38. Fig. 4.

²⁹ Hurwit 2007. P. 38.

³⁰ См. реконструкцию: Колобова 1961. С. 313.

до н. э.)³¹, — намек на героическую смерть юноши, ровесника Гармония³². То, что было скрыто внутри, могло быть неизвестным прохожим, но оно дает основание сомневаться в том, что в загадочной фразе «один из пяти всадников» кроется обида богатой семьи на власти: якобы Дексилея послали всадником на войну слишком рано (при тридцати тиранах брали даже 13-летних мальчиков). Отчетливо ощутима гордость родных за храброго юношу: пал с честью, в числе неких пяти избранных (группа для особых поручений?)³³, — под Коринфом погибло 11 афинских всадников, как это указано на государственной стеле (а всего на войне их, по Ксенофону, было 600³⁴).

Стела Дексилея в Керамике выделяется среди прочих вторжением в тихую частную сферу активного полисного начала. Обращает внимание нейтральный тон эпитафии — как будто говорят не родные, не семья, потерявшая одного из своих членов в начале расцвета его жизни, а некое высшее, безличное начало: город-государство.

Памятник Дексилея, при всей его оригинальности, демонстрирует способность афинских семей акцентировать внимание на особых моментах иконографии, стиля и сообщений мемориалов — они умели поворачиваться к «прохожим» именно своими неповторимыми, запоминающимися чертами. В частности, по наблюдениям Джеффри Харвита, участок Дексилея, отодвинутый от улицы на 4 м, обращенный в сторону Demosion Sema и поднятый на 5-метровую высоту над дорогой, не имея ни ступеней в цоколе, ни двери, выделялся своей изолированностью, замкнутостью, недоступностью³⁵.

На классических стелах нет указаний имен мастеров, как это было в эпоху архаики — скульптор Аристокл создал в Афинах стелу воина Аристиона, ок. 510 до н. э. (НАМ 29)³⁶, или скульптор Алксенор с о. Наксос изваял стелу мужчины из Орхомена в Беотии, ок. 490 до н. э. (Афины,

³¹ Hurwit 2007. P. 39–40. Fig. 7.

³² Hurwit 2007. P. 40.

³³ Hurwit 2007. P. 38–39.

³⁴ Xen. Hell. 4. 2. Афинская кавалерия начала формироваться в период Греко-персидских войн, насчитывая на раннем этапе 300 всадников. Затем число их было увеличено до 1000–1200.

³⁵ Hurwit 2007. P. 38.

³⁶ Boardman 1996. Pl. 235.

НАМ. 39)³⁷. Но мастера, ваятели — очень важная составная часть в этом полилоге. Ведь именно к ним обращались заказчики — родственники умершего, и от их мастерства зависело достойное воплощение идеи. Благодаря их таланту, фантазии и способности вживаться в ситуацию ухода возникали новые и модифицировались старые иконографические своды. Надгробия изготовлялись не только на заказ, но могли приобретаться в мастерских среди товара на продажу³⁸, а родственники выбирали подходящий сюжет — так, возможно, было и с эпитафиями³⁹. Но судя по большому числу первоклассных работ, явление не было повсеместным. Родственники могли и сами сочинять эпитафии⁴⁰ и, вероятно, даже высекать стелы — ведь в Афинах существовала длительная традиция таких занятий. Этим можно объяснить несоответствие отличных рельефов и грубых надписей или, напротив, изящных эпитафий и посредственных рельефов⁴¹.

Заказчики — тоже важнейшая составная информационного процесса. Ведь это они сообщали свои условия ваятелям, просили акцентировать те или иные черты в композиции: что-то выдвигать на первый план, что-то убирать на фон; предлагали варианты рельефов с определенным количеством фигур, с передачей особого настроения. Сейчас ситуацию трудно воссоздать, но некоторые эпитафии позволяют различить голоса заказчиков. Вот, например, загадочная эпитафия Белтисты, в которой первично, при неверной расшифровке голосов, слышалось неоправданное самовосхваление постановщика надгробия: «Я похоронил... и потому заслужил...»⁴²:

(I) Белтиста, дочь Номения, из Гераклеи.

(II) Я похоронила мою благочестивую мать с почтением, чтобы все видели,

И потому заслужила добрые слова и похвалу.

³⁷ Boardman 1996. Pl. 244.

³⁸ Некоторые исследователи склонны считать, что большинство стел приобреталось именно в готовом виде.

³⁹ См. о возможности существования готовых наборов эпитафий, т. н. *copy-books*: Clairmont 1970; Tsagalis 2008. P. 55.

⁴⁰ Tsagalis 2008. P. 54.

⁴¹ Tsagalis 2008. P. 55.

⁴² CEG 533; Tsagalis 2008. P. 164.

Эти слова говорит покойница, молодая девушка Белтиста, главным деянием своей жизни считающая достойное погребение родительницы. Вспоминаются слова Платона о том, что идеалом жизни афиняне считали богатство, здоровье, почет у горожан, достойное погребение родителей и по смерти — их самих⁴³. Тот, кто занимался погребением Белтисты, вложил в ее уста слова, с его точки зрения наиболее приличествующие для увековечения памяти девушки.

Или эпитафия Каллимаха⁴⁴:

(I) Каллимах.

(II) Это памятник Каллимаха для людей.

Привет вам, прохожие. Покинув свою родину, здесь я лежу,
Несчастный, не увидев моих дорогих родителей.

Очевидно, эти слова вложили в его уста упомянутые в эпитафии отец и мать, приехавшие в Афины хоронить безвременно ушедшего сына. Слово любви к ним — последняя воля умершего.

Исходящие от живых слова требовали от заказчиков и исполнителей проникновения в ситуацию смерти, и, хотя конкретика в изображениях и надписях греков почти целиком отсутствует, искреннее чувство очевидно. Перевоплощаясь в умершего, говоря и действуя от его имени, заказчики и исполнители (ваятели, сочинители эпиграмм и резчики) переживали каждый раз событие ухода человека в мир иной как собственную драму (а при них еще были жены, дети, родственники, которые вряд ли не вникали в процесс их работы и не следили за ее продвижением).

На этом фоне, где информаторы — заказчики и исполнители — выступают на стороне мертвых, основной реципиент информации, прохожий, представляет сторону живых. Он должен сохранять сообщаемое стелами и передавать информацию дальше — ныне здравствующим людям своего круга и потомкам, чтобы связь прошлого с будущим не пресекалась. Но прохожий — не механический хранитель памяти. Он, как говорилось, исходно умозрительная жертва, необходимая умершему для возвращения в новый жизненный круг. Зачем ему ходить на кладбище, рассматривать

⁴³ Plat. Hipp. Maj. 291d-e.

⁴⁴ Tsagalis 2008. P. 153.

стелы, читать имена, сопоставлять события и факты? Вероятно, затем же, зачем спускались в преисподнюю Гильгамеш и Одиссей. Ведь мир живых не остается неизменным, он постоянно изменяется, как и мир мертвых, который регулярно, с каждым уходящим, расширяется: там, в Аиде, обитает «самый многочисленный народ». Жизнь на земле — явление временное, всех ждет уход (постоянная тема эпитафий), и самая большая загадка бытия — твой собственный конец, тот день, *πετρομένον ἦμαρ*⁴⁵, когда прервется жизнь при свете солнца и придется уходить в мрачный *θάλαμος* Персефоны⁴⁶. Прохожий, давая символическую жертву каждому умершему, каждый раз частично умирает, приобщаясь к опыту смерти. По Э. Вермель, у греков нет понятия «умирать», есть только «темнеть»⁴⁷, то есть всё зависит от степени «помрачения». Не только на стелах умершие являются живыми, но и в эпитафиях они, по общему признанию, как бы не осознают своего особого статуса и продолжают быть «somehow alive»⁴⁸.

Из сказанного видно, что разговоры в афинском некрополе были весьма многоголосыми. Основной, изначальный диалог возникал между Умершим и Прохожим: первый требовал жертву для своего восстановления в жизненном цикле, а второй ее давал, что приводило к изменению (и в конечном счете к уравнению) статуса обоих: один получал импульс жизни, а другой — смерти. Стела как «говорящая вещь», начинающая диалог с Прохожим, со временем уступает место самому Умершему. Но уже в VI в. до н. э. ее голос начинает «нейтрализоваться» и выступать как бы от безличного повествователя, представителя Иного мира (ср. эпитафию Креза: «Остановись и оплачь...»), который в классическое время кодифицируется и временами выступает от лица полиса (ср. стелу Декселея).

Вместе с тем ситуация не так проста, как кажется на первый взгляд. Исследование эпитафий IV в. до н. э. показывает, что некрополь с его участками, гробницами и стелами мыслился лишь местом пребывания телесных останков человека, душа же уходила в обитель душ, именуемую в эпитафиях IV в. до н. э. «чертогом Персефоны». Принципиальный тезис был сформулирован уже Эсхилом в «Автоэпитафии»:

⁴⁵ Vermeule 1977. P. 7.

⁴⁶ Tsagalis 2008. P. 63, 86, 95f.

⁴⁷ Vermeule 1977. P. 25.

⁴⁸ Tsagalis 2008. P. 45. Note 111.

Евфорионова сына Эсхила афинского *костю*
 Кроет собою земля Гелы, богатой зерном.
Мужество помнят его Марафонская роща и племя
 Длинноволосых мидян, в битве узнавших его.

Если былая человеческая сущность распадается на два начала после смерти, живущие в двух разных локусах космоса, то с кем разговаривают прохожие в некрополе? С мертвыми телами без душ?

Нет, они беседуют с одушевленными и одухотворенными сущностями. Души отделяются от тел, по греческим поверьям, только по окончательном разложении последних (ср. обычай вторичного погребения в современной сельской Греции). Но они воплощаются в надгробиях, изваяниях, в начертанных на них именах. Памятник интегрирует в себе образ ушедшего — в идеальном, рафинированном виде. Он — как материализовавшийся эйдолон, призрак умершего, сохраняющий прижизненный облик, и разум, и чувство⁴⁹. К существованию «говорящих эйдолонов» афинян давно приучили трагики, где «призраки» широко фигурируют в весьма активных ролях⁵⁰. В изобразительном искусстве пока замечен только один, правда, очень выразительный случай: изображение на известном апулийском Кратере Медеи мастера Подземного мира (340–320 до н. э.), в Мюнхене⁵¹. В центральном наиске представлена сцена гибели Главки, ниже — убийство Медеей одного из ее сыновей и готовая для ее побега колесница, а у правого края посередине, на некоем странном объекте вроде «столба дыма», стоит отец «колхидской колдуньи», с подписью сверху: ΕΙΔΟΛΟΝ ΑΝΤΟΥ (призрак Ээта). Он облачен в пышный костюм иноземца и держится с пафосом трагических актеров — выдвигает правую руку вперед, явно с комментарием события.

Если архаические курсы действительно могли восприниматься воплощением эйдолонов умерших, равно как и одиночные изображения атлетов или воинов на ранних стелах, то в классических Афинах ситуация

⁴⁹ По аналогии с призраком Патрокла, явившимся во сне Ахиллу в «Илиаде» Гомера: II. XXIII. 65–105.

⁵⁰ Bardel 1984. P. 140–160; Aguirre 2009. P. 179–189.

⁵¹ Rebaudo 2013.

меняется. На упомянутой стеле Гегесо умершая показана как героиня, намного выше и величавее живой девушки, однако присутствие обеих в общем пространстве, участие в общем действе снимают прежнюю антитезу живого и мертвого. Их статусы уравниваются — чем дальше, тем больше, что приводит к странной, давно отмеченной черте аттических стел: *неотличимость* на многих из них живых и умерших.

Это явление в изобразительной сфере целиком соответствует эпиграфическим данным. Хотя в большинстве случаев в надписях говорит нейтральный повествователь, представляя исключительные добродетели умерших (σωφροσύνη, ἀρετή и др.), вынужденных покинуть белый свет, его «безличный» голос в IV в. до н. э. начинает сменяться голосом родственника (обычно мужа или жены), подтверждающим достоверность сообщения. И если на стелах поздней классики воцаряются семейные группы со сценой рукопожатий, то и в надписях уже не только прохожие шлют приветствие умершему при подходе к могиле (χαῖρε)⁵², но и он им отвечает тем же⁵³. Так, муж приходит на могилу жены⁵⁴:

«Здравствуй, могила Мелиты! Здесь покоится хорошая женщина.
Ты была лучшей из всех, отвечая любовью на любовь своего мужа
Онесима [...]
— Здравствуй и ты, дражайший из мужей, и люби моих (детей)».

Пожилой отец Андрон на стеле в Пирее встречает рукопожатием новоприбывшего в мир иной сына⁵⁵. Другой сын, уже упоминавшийся Телемах из Флии, рад тому, что его похоронили рядом с матерью, о чем он ее оповещает⁵⁶. В поздних случаях, как в надписи из Икониона в Ликаонии

⁵² Ср. обращение мужа к жене и ее ответ: GVI 1387; Clairmont 1970. No. 39.

⁵³ См. примеры: Kauppinen 2015. P. 54.

⁵⁴ SEG 530; Kauppinen 2015. P. 35–36 365–340 BC (Piraeus); Christian 2015. P. 173.

⁵⁵ Авторы исправили ранее неверное прочтение надписи (Clairmont 1970. P. 113–114. No. 36), в которой умерший отец Андрон, вместе с умершим сыном, встречает второго, новопреставленного; на деле сын только один: Kaldellis, López-Ruiz 2011.

⁵⁶ SEG 512; Tsagalis 2008. P. 175. В этой эпитафии необычно и завершение: «Гироклея, дочь Опсиада, из Эона». Предположительно это жена Телемаха, заказчица памятника.

Илл. 5. Надгробие Дамасистраты с «семейной сценой». Третья четверть IV в. до н. э. Афины, Национальный археологический музей.

рода «анкетные» данные, как, например, в эпитафии Менодора из Пантикапея I в.: родом из Синопы, мужчина 60 лет, воин, остались жена и дети, погиб от вражеской руки в бою⁵⁸. В совсем поздних греческих эпитафиях из антологий фигурируют уже и всяческие редкие или аномально-гротескные формы смерти⁵⁹.

II в., умершие приветствуют не только обратившегося к ним, но и всех людей вообще (*χαίρετε πάντες*)⁵⁷. Здесь уже достигнута новая грань коммуникации: народ Аида шлет приветствие преходящему миру земных людей.

Отличительная особенность классических аттических стел и их надписей — практически полное отсутствие той конкретики, которая прежде всего интересовала бы прохожего: откуда родом, кто отец, отчего умер, сколько прожил, была ли семья, остались ли дети, кто поставил надгробие? В них есть лишь отдельные указания или намеки, тогда как в последующем будут встречаться очень пространные ответы и даже своего

⁵⁷ GVI 1835; Kauppinen 2015. P. 83–84.

⁵⁸ GVI 1869; Kauppinen 2015. P. 71–72. Еще более пространна похожая на «допрос» диалогическая эпитафия Клавдия Харитона из Перинфа, II–III вв.: Kauppinen 2015. P. 111–112.

⁵⁹ Cp. Garson 1980.

Стертость грани между живыми и мертвыми в представлениях классических греков и есть наиболее интригующая черта их представлений о бытии. Информатор и получатель информации — отнюдь не строго фиксированные сущности; они меняются местами, их сферы взаимопресекаются, и они вместе доносят до нас одну общую мысль: смерть — величава и прекрасна (в отличие от геометрических и архаических концепций). В поздних «семейных группах» (илл. 5) люди отнюдь не показаны такими, «какими они были при жизни» (что склонны думать не только обычные созерцатели, но и некоторые опытные исследователи). Их образы очищены от всего суетного, мелкого, пустого и входят в новый мир памяти с благородством, любовью и состраданием. Так, Фидий в своем искусстве, оказавшем огромное влияние на создателей стел, «людей героизировал, героев обожествил, а богов наделил столь возвышенным духом, что даже прибавил этим нечто к существующей религии»⁶⁰. Такой стиль, такая пластическая концепция как нельзя более подходили поздней греческой классике с ее философией жизни: всё проходит, остается только *μνήμη ἀθάνατος*⁶¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Колобова 1961 — *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., ЛГУ, 1961.
- Agosti 2008 — *Agosti G.* Literariness in epigraphical poetry of late antiquity // K. Carvounis, R. L. Hunter (eds.). *Sign of Life? Studies in Later Greek Poetr.* Bendigo: Aureal, 2008. (Ramus 37, No. 102.)
- Aguirre 2009 — *Aguirre M.* Some ghostly appearances in Greece: Literary and artistic sources // *Gerión* 27, 2009. No. 1. P. 179–189.
- Alexiou 1974 — *Alexiou M.* Ritual lament in Greek tradition. Cambridge, 1974 (=Athens, 2002).
- Bardel 1984 — *Bardel R.* Eidōla in epic, tragedy and vase-painting // N. K. Rutter, B. A. Sparkes (eds.). *Word and Image in Ancient Greece.* Edinburgh, U. P., 1984. P. 140–160.

⁶⁰ Quintillianus. *Institutio oratoria* XII. 10. 9.

⁶¹ Об этой формуле: Tsagalis 2008. P. 127.

- Baumbach, Petrovic and Petrovic 2010 — Baumbach M. A., Petrovic A. and Petrovic I. (eds.). *Archaic and classical Greek epigram*. Cambridge, 2010.
- Bergemann 1996 — *Bergemann J.* Die sogenannte Loutrophoros: Grabmal für unverheiratete Tote? // *AM* 111, 1996. S. 149–190.
- Boardman 1995 — *Boardman J.* *Greek Sculpture. The Classical Period*. London, 1995.
- Boardman 1996 — *Boardman J.* *Greek Sculpture. The Archaic Period*. London, 1996.
- Buschor 1911 — *Buschor E.* Grabstele der Hegeso // E. Buschor, F. Willemsen, H. Diepolder. *Von griechischer Kunst: ausgewählte Schriften*. München, 1956. 145ff.
- CEG — *Hansen P. A.* *Carmina epigraphica Graeca Saeculorum VIII–V a. Chr.* Berlin, 1983.
- Christian 2015 — *Christian T.* *Gebildete Steine. Zur Rezeption literarischer Techniken in den Versinschriften seit dem Hellenismus*. Göttingen, 2015.
- Clairmont 1970 — *Clairmont C. W.* *Gravestone and Epigram. Greek Memorials from the Archaic and Classical Period*. Mainz, 1970.
- Garland 1985 — *Garland R.* *The Greek Way of Death*. London, 1985.
- Garnot 1937 — *Garnot J. S. F.* L'appel aux vivants sous l'ancien Empire Égyptien // *Annuaire de l'École pratique des hautes études, année 47*, 1937. P. 91–95.
- Garnot 1938 — *Garnot J. S. F.* L'appel aux vivants dans les textes funéraires égyptiennes // *Recherches d'archéologie, de philologie et d'histoire IX*, Cairo, Institut Français d'archéologie orientale, 1938.
- Garson 1980 — *Garson R. W.* Paradox in the Greek sepulchral epigram // *Arte Classica. Classical Association of South Africa. Vol. 23*, 1980. P. 110–114.
- Georgoulaki 1996 — *Georgoulaki E.* Religious and socio-political implications of mortuary evidence // *Kernos* 9, 1996. P. 95–120.
- GVI — *Peek W.* (Hrsg.). *Griechische Vers-Inschriften. Bd. I. Grab-Epigramme. Texte und Kommentäre*. Berlin, 1955.
- Humphreys 1980 — *Humphreys S. C.* Family tombs and tomb cult in ancient Athens: Tradition or traditionalism? // *JHS* 100, 1980. P. 96–126.
- Hurwit 2007 — *Hurwit J. M.* The Problem with dexileos: Heroic and other nudities in Greek art // *American Journal of Archaeology* 111, 2007. P. 35–60.
- Kaempf-Dimitriadou 2000 — *Kaempf-Dimitriadou S.* Aus einem attischen Grabperibolos: Die Marmorloutrophoros des Philon in Athen // *Antike Kunst*, 43 Jg., 2000. S. 70–85.
- IG II² 6217 — *Inscriptiones Graecae. Vol. III–III, edition minor*. Ed. J. Kirchner. Berlin, 1913–1940.
- Kaldellis, López-Ruiz 2011 — *Kaldellis A., López-Ruiz C.* A new reading of the Stele of Andron (IG II/III² 10665): Only one son died, not two // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 176, 2011. P. 57–59.

- Kauppinen 2015 — *Kauppinen S.* Dialogue Form in Greek Verse-Inscriptions with Some Non-Inscriptional Parallels. Diss. Helsinki, 2015.
- Maspero 1893 — *Maspero G.* Une formule des stèles funéraires de la XIIe dynastie // Études de mythologie et d'archéologie égyptiennes. P., 1893. Vol. 1. P. 1–34.
- Pemberton 1989 — *Pemberton E.* The *Dexiosis* on Attic gravestones // *Mediterranean Archaeology* 2, 1989. P. 45–50.
- Rebaudo 2013 — Rebaudo L. The Underworld painter and the Corinthian adventures of Medea. An interpretation of the crater in Munich // *Engramma*. La tradizione classica nella memoria occidentale, 109, settembre 2013 (http://www.egramma.it/eOS2/index.php?id_articolo=1380, проверено 14.09.2018).
- Stears 2000 — *Stears K.* Losing the picture: Change and continuity in Athenian grave monuments in the fourth and third centuries BC // N. K. Rutter, B. A. Sparkes (eds.). *Word and Image in Ancient Greece*. Edinburgh, 2000. P. 206–227.
- Thimme 1964 — Thimme J. Die Stele der Hegeso als Zeugnis der attischen Grabkultes // *Antike Kunst*, 7 Jrg. H. 1. 1964. S. 16–29.
- Tsagalis 2008 — *Tsagalis Chr.* Inscripting Sorrow: Fourth-Century Attic Funerary Epigrams (Trends in Classics — Supplementary Volumes. Vol. I). Berlin, N. Y., 2008.
- Tueller 2008 — *Tueller M.A.* Look Who's Talking. Innovations in Voice and Identity in Hellenistic Epigram. Leuven, 2008.
- Tueller 2010 — *Tueller M.A.* The passer-by in archaic and classical epigram // M. A. Baumbach, A. Petrovic and I. Petrovic (eds.). *Archaic and Classical Greek Epigram*. Cambridge, 2010. P. 42–60.
- Vermeule 1981 — *Vermeule E.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley, U. of California Press, 1981.

Liudmila Akimova (Moscow)

CONVERSATIONS IN ATHENIAN CEMETERY

ABSTRACT: The author deals with the problem of communication between the living and the dead in Athenian (and more generally, Greek) Classical cemetery, observing the relief stelae as well as inscriptions. It appears to be many different voices in this polylogos coming first from the stele itself as a “speaking object” (and then from the deceased buried under it) and from a passer-by whom (s)he addresses, with the addition of the customer (relatives), the sculptor, the engraver of inscriptions and the neutral narrator. The living

and the dead in Late Classical Athens are interconnected in the same way as death and life are tied to each other in Greek spiritual views.

KEY-WORDS: cemetery, stele, epitaphy, passer-by, the living and the dead, eidolon

NOTE ON THE AUTHOR: Akimova Liudmila Ivanovna — leading research fellow of the Pushkin State Museum of Fine Arts, professor, doctor of arts. Email: liudmila.akimova@arts-museum.ru

РЕЗЮМЕ: В статье рассматривается проблема коммуникации между живыми и мертвыми в афинском некрополе времени классики на примере надгробных стел и их надписей. В «разговор» вовлечено много голосов, идущих сначала от самого памятника (затем — от умершего), вступающего в диалог с прохожим; к ним присоединяются голоса заказчика (родственников умершего), ваятеля, гравировщика надписи, нейтрального повествователя. Мертвые и живые связаны в Афинах прочными узами, как жизнь и смерть в представлениях о мире позднеклассических греков.

Ключевые слова: некрополь, стела, эпитафия, прохожий, живые и мертвые, эйдолон

Об авторе: Акимова Людмила Ивановна — ведущий научный сотрудник Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, доктор искусствоведения, профессор. Email: liudmila.akimova@arts-museum.ru

Дискуссия после доклада Л. И. Акимовой

Н. Н. Казанский: Интересно, что женские надгробия в греческой культуре существуют с архаического времени, о чем свидетельствует, например, стихотворная надпись Никандры. На фоне других надписей ее надгробие по качеству исполнения не хуже, чем мужские надписи архаического времени. Сами стелы, а также изображения на них, стандартные в классическое время, скорее всего, изготавливались как основа, которую потом заполняли текстом. В афинском музее Керамика представлена стандартная афинская стела, заполненная текстом на финикийском языке. Интересна эпитафия как жанр. С. Н. Шубинский в исследовании, озаглавленном «Кладбищенская литература», собрал тексты могильных

памятников, рассмотрев их как свидетельства о низовых жанрах русской литературы. Запоминающееся надгробие XVIII века — «О, ты, жестокая холера, какого ты сразила кавалера, измайловского унтер-офицера». Интересен диалог, в который вступает с проходящим памятник, выступающий в роли говорящего предмета, — надгробие приветствует путника, говоря ему *χαῖρε*. Прохожий не сам по себе хранитель памяти — память о погребенном возникает из диалога с надгробием.

И. А. СЕДАКОВА: Людмила Ивановна, есть ли какой-то перечень голосов, которые звучат во всем корпусе эпитафий? Например, вы цитировали «Мальчик, старик и собака». Может ли там быть голос животного?

Л. И. АКИМОВА: Голоса родственников на эпитафиях звучат только к концу IV века; в 317 году был издан закон против роскоши надгробий, и стали ставить только небольшие колонки-колумеллы с именами, без изображений и эпитафий. В диссертации С. Кууппинен «Dialogue Form in Greek Verse Inscriptions» (2015) представлены голоса родственников в довольно широкой гамме, но голоса животных там отсутствуют. Вероятно, они появляются только в раннем Риме. Об эпитафиях и стелах много работ, но направлены эти исследования исключительно в социальную сферу. Про слово *χαῖρε* сейчас существует такое убеждение, что оно писалось только на надгробиях рабов. Датско-Копенгагенская группа из пяти ученых сделала демографический сквозной анализ, по количеству населения в Афинах и Аттике. Вышло, что за вековой период существования классических стел на 100 тыс. населения приходится около 30 тыс. надгробий. Какой процент «жизней» отображен? Сложно сказать, потому что ряд персон может повторяться на семейных надгробиях, и сам факт принадлежности той или иной семье доказуем в небольшом числе случаев. Эволюция такова: сначала памятник обращается к прохожему, потом умерший, затем возникает их диалог, обрастающий к концу IV века до н. э. голосами «третьих» лиц. Интересно, что на семейных участках-периболах может быть похоронено три поколения семьи, но установлено только три стелы. Это значит, что семья выбирает, кому ставить памятник.

Н. Н. КАЗАНСКИЙ: В том числе склеп, семейный склеп, где хоронят не всех.

Л. Н. АКИМОВА: В эпоху геометрики и архаики существовала особая ситуация; члены семьи не погребались вместе, хотя периболы существовали.

Мужей высоких достоинств, которые практиковали *ἀρετή* в своей жизни, хоронили под общими курганами. Детей практически никогда до V века не включали в семейные могилы. А потом формировались периболы, где как бы собирались семьи. По изысканиям Д. Курца и Дж. Бордмена (*D. Kurtz, J. Boardman. Greek Burial Customs. L., 1971*), трудно судить, кого из членов семьи хоронили в периболах, а кого нет, и все ли члены семьи были здесь похоронены. В XIX веке, когда начались раскопки главных некрополей, статистика такого рода не велась. Если, например, семейный участок существовал 100 лет, а на его стелах только пять имен, то могло быть погребено и 20 человек, но это не значит, что они были из одной семьи и даже рода: участки покупались и продавались. Голоса живых и умерших на стелах различать сложно, потому что надгробия практически никак не коррелируют с надписями. Есть классический труд Кристофа Клермона «*Ch. Clairmont. Gravestone and Epigram*» (*Chr. Clairmont. Gravestone and Epigram. Mainz, 1970*), в котором автор утверждает, что надписи соотносятся с изображениями в крайне редких случаях. Есть стелы, заранее изготовленные на продажу. Известное надгробие богатой и знатной женщины Амфареты, которая держит на коленях ребенка (ок. 400 до н. э.), снабжено надписью: «Я держу любимое дитя моей дочери, как держала его, когда мы были живы и для нас светили лучи солнца. А теперь, мертвая, я держу его, также мертвого». Бабушка показана как молодая женщина. Но зачем покупать готовое, если богатая семья могла заказать себе первоклассный памятник, каковым и является эта стела? Похоже, что в эпитафии описывается иконография, но любопытно, что в ней (как и в других классических надписях) смерть предстает зеркальным отражением жизни. В греческих надгробиях нет стандартизации, хотя нет никаких портретов, никаких конкретных надписей, умершие всегда изображены живыми. О поздних семейных надгробиях Гёте в «Итальянском путешествии» писал, что люди в них «остались здесь, на земле, такими, какими были», но это не так: умершие показаны без присущих людям индивидуальных черт или слабостей. По Фукидиду, главный некрополь Афин Керамик — это самый прекрасный квартал, потому что в живом городе живут живые люди, со свойственными им страстями и пороками, а в идеальном — идеальные.